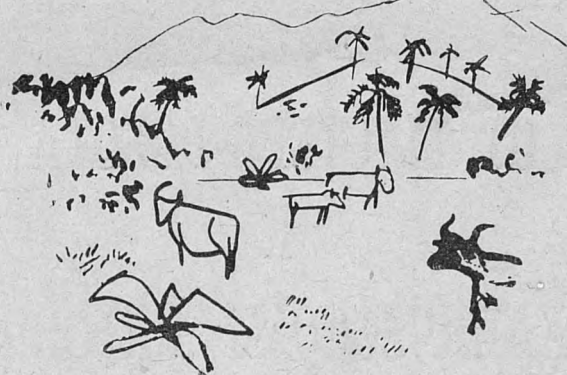

— Меня удивило, что актеры могут выступать при таком жалком оборудовании.

— Появляется Сид... Это подлинная картина Рембрандта, мастера светотени: только лицо освещено и резко выделяется на черном фоне... Сейчас он заговорит... Он заговорил!.. Картина оживает, ярче блещут костюмы.

Вслед за учениками коллежа высказываются ученики начальных школ:

— Самое красивое было вначале, когда Пьер Виала был одет как в фильме.

— Внезапно появляется Пьер Виала, одетый как во времена Генриха IV.

— Вдруг появляется Пьер Виала, одетый как мушкетер.

— На Родриго были сапоги по колено.

— Больше всего понравился мне Пьер Виала в Гамлете. Почему мой выбор таков, это уж дело вкуса.

— Гамлет мне совсем не понравился. У него нет даже шпаги! На нем просто штаны в обтяжку и очень длинная рубаха.

— Жесты их как бы неразрывно связаны со словами.

— Я хотел бы иметь такую же дикцию и такое же произношение, как у них. Думаю, что скоро этого добьюсь.

Итак, каждый выносит из наших представлений то, что может из них вынести.

А босоногий «бой», прислужи-

вавший нам за столом в клубе в Браззавиле, где мы также давали представления, сказал мне на следующий день после премьеры:

— Ну, знаешь, это было великолепно!

— Ты понял? Тебе понравилось?

— Еще бы! Вот такой театр мне нравится, — и, вспомнив какую-то «бульварную» пьесу, которую он видел незадолго перед тем в том же зале, добавил: — То был не настоящий театр, там все как в жизни, и костюмы, какие носят все, а вот у тебя — это театр настоящий! (Этот анекдот я с удовольствием рассказал бы Дюллену так же, как и нижеследующий, который, думаю, привел бы его в восторг.)

На Таити один художник, обзаведшийся подружкой, привел свою «vahinée», по ее настоянию, в театр. В этот вечер мы давали нашу поэтическую программу: «Великие страницы поэзии Франции». Он опасался, что она не поймет, что ей надоест, что ей скоро станет «fii» (таитянское выражение: станет скучно, надоест). И вот в течение полутора часов он украдкой наблюдает за нею: она сидит и не шелохнется; слушает как завороченная. Когда занавес падает, она не верит, что все кончено. Он спрашивает ее, не было ли ей скучно: — О, нет! это было прекрасно!

— Но ведь ты ничего не поняла.

— Ну и что же, неважно, — это было как музыка, нечего было и понимать.